

RU

Обратное присвоение. Постанархизм как антиполитическая политика

Поляков Д. Б.

Аннотация. Цель исследования - анализ понятия антиполитической политики, сформулированного теоретиком постанархизма С. Ньюманом. В статье раскрывается смысловое ядро парадоксального анархистского синтеза политики и антиполитики, который находит выражение в ряде протестных социально-политических движений современности. Научная новизна исследования связана как с критикой, так и с защитой постанархистских установок, направленных на переосмысление и альтернативное наполнение понятия политики. Результатом становится промежуточный вывод о неизбежности микрополитических и «антиполитических» практик в контексте присвоения и бюрократизации политического со стороны государства.

EN

Reappropriation. Postanarchism as Politics of Anti-Politics

Polyakov D. B.

Abstract. The purpose of the study is to analyse the notion of the politics of anti-politics formulated by the postanarchist theorist S. Newman. The article sheds light on the semantic core of the paradoxical anarchist synthesis of politics and anti-politics, which is reflected in a number of protest socio-political movements of modern times. Scientific novelty of the study is associated with both criticism and defence of postanarchist attitudes aimed at rethinking and assigning an alternative meaning to the notion of politics. The result amounts to an interim conclusion about inevitability of micro-political and “anti-political” practices in the context of appropriation and bureaucratisation of the political by the state.

Введение

Избрание Д. Трампа президентом США в 2017 г. побудило учёных И. Крастева и С. Холмса констатировать завершение эпохи глобальной имитации либерализма американского образца с сопутствующим усилением антилиберальной, правой популистской риторики [4]. Годом ранее, в 2016 г., британский политолог Б. Джесоп в исследовании современных государств прогнозировал упадок демократических институтов и практик, расширение государственного надзора и в целом дальнейшее смещение функционирования государств в сторону авторитарного этатизма [2, с. 451-452]. В свою очередь, кризис либерально-демократических ценностей, подразумевающий среди прочего сужение политических прав и свобод, позволяет говорить об интенсификации авторитарных или даже откровенно тоталитарных тенденций в сфере того, что носит название «реальной политики». Принятие политических решений и, более того, сама идея политики монополизируются аппаратом государства, выхолащиваясь в то, что современный политико-философский анализ маркирует понятиями постполитики и биополитики, т.е. в бюрократический учёт и контроль голых жизней, при котором нет места идеологическим дискуссиям и столкновениям (либо же они строго дозируются в целях создания видимости демократии и политической жизни как таковой).

В связи с этим актуальным представляется вопрос о возможностях политики вне государства и его логики авторитарного менеджмента. Такое вопрошание в свою очередь приводит нас к рассмотрению радикальных политических теорий, провозглашающих вытеснение государства альтернативными социальными моделями. Среди этих теорий разрыв с государством наиболее отчётливым образом артикулирован в философии анархизма. Одной из современных вариаций этой философии выступает постанархизм, который лишь в последние годы схватывается в России исследовательской оптикой, а потому обращение к нему лишь повышает актуальность исследования. Соответственно, теоретической базой статьи выступают работы представителей этого неортодоксального течения анархистской мысли и, прежде всего, тексты С. Ньюмана – ведущего теоретика постанархизма.

Достижение указанной в аннотации цели связано с решением нескольких ключевых задач: во-первых, раскрыть специфику постанархистского понимания политики и политического; во-вторых, спроецировать

установки постанархизма на текущие политические реалии; в-третьих, сопоставить постанархизм с другими направлениями радикальной мысли и, в-четвёртых, обозначить сильные и слабые стороны политики постанархизма в контексте указанных политических реалий. Решение этих задач связано преимущественно с дескриптивным, сравнительным и диалектическим методами. Практическая же значимость исследования заключается в мотивации к переосмыслению политической реальности и наполнению её этическим содержанием, включающим ценности свободы, ответственности и креативности в вопросах управления людьми собственными жизнями.

Постанархизм и антиполитическая политика С. Ньюмана

Постанархистская теория начинает складываться во второй половине 80-х гг. прошлого века как попытка построить методологические установки постструктурализма в рамки анархистской этики и политики (при этом название происходит из эссе Хаким Бея, посвящённого несколько иной теме [1]). Первой крупной работой в этом направлении стала монография Т. Мэя, в которой посредством постструктуралистского анализа дана критика некоторых положений классического анархизма, а также предложен тактический (микрополитический) тип политического философствования на основе идей М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Делёза и Ф. Гваттари [12]. Окончательное становление постанархизма имеет место в начале нового тысячелетия с выходом текстов С. Ньюмана [13] и Л. Колла [11], составивших вместе с книгой Мэя теоретический базис этой теории (что, конечно, не отменяет весомого вклада других теоретиков). Однако для достижения обозначенной цели следует обратиться к более поздним материалам, прежде всего к работе Ньюмана “The Politics of Postanarchism”, вышедшей в 2010 г., где мы и сталкиваемся с понятием политики антиполитики, или антиполитической политики (встречается оно и у других авторов, например, у Я.-В. Мюллера [6, с. 371-382]).

Этот концепт используется Ньюманом для того, чтобы объяснить присущий анархизму парадоксальный момент: если анархизм стремится к преодолению политики или даже разрушению политических отношений, которые обычно трактуются им в терминах господства и подчинения, то почему он считается политической теорией? Требование ликвидации политических отношений как основанных на господстве и подчинении характеризует *антиполитический* аспект анархизма. Вместе с тем составление революционных программ и манифестов, съезды, пропагандистская работа, обсуждение стратегий и тактик – всё это вполне определённо можно отнести к *политическим* вопросам и темам. Именно этот парадоксальный момент встречи политики и антиполитики, напряжение между одним и другим интересует Ньюмана и, более того, по его же словам, даёт толчок постанархизму как таковому.

Минутя нюансы, связанные с пониманием политики и политического у К. Шмитта и Ш. Муффа, для которых политика всегда разворачивается в государственной логике установления «друга – врага» (или «противника», в смягчённой трактовке Муффа [5]), мы находим у Ньюмана идею изъятия политического у государства или, другими словами, обратного присвоения политического. Эта идея исходит из того, что фактически государство устанавливает порядок деполитизации, т.е. порядок, который подавляет и затушёвывает политическое, по определению являющееся измерением конфликта, антагонизма, оспаривания и, в конце концов, бунта. Проще говоря, политика, традиционно толкуемая как совокупность институтов и практик, которые определяются и контролируются государством, перестаёт быть политикой в силу тенденции государства к повсеместности и сверхнадзору, превращаясь в чистое администрирование. Для Ньюмана же «политическое – это конституирование пространства автономии, которое дистанцируется от государства и тем самым ставит под сомнение сам принцип государственного суверенитета» [14, р. 11].

Далее, высвобождение (можно даже сказать, экспроприация) политического мотивируется антиполитическим импульсом, который включает в себя утопическое и этическое видение – жизнь без государства, принуждения, эксплуатации и неравенства, т.е. всё то, что противоречит текущей реальности и оспаривает её границы. Антиполитика манифестирует себя как бессознательное политики, и точно так же, как бессознательное всегда присутствует в сознательной жизни, врывается и корректирует её, так и антиполитическое, утопическое измерение должно быть присуще политике как таковой, не говоря уже о радикальной политике. Иными словами, *антиполитичность* анархизма можно рассматривать как отрицание политики в государственно-бюрократических рамках и утверждение её в качестве живой человеческой практики, действия и взаимодействия людей друг с другом вне государства и его логики. И парадокс в том, что это утверждение предстаёт как радикальный *политический* жест.

Локалистские практики, префигурация и их критика

Описанная политика неизбежно находит своё выражение в политике автономии. Последняя же традиционно реализуется в локальных рамках, что и позволяет ей функционировать посредством прямой демократии участия, когда, по словам Ньюмана, «люди смотрят не на государство, а друг на друга» и действуют так, «как если бы власти не существовало» [9, с. 49, 40]. Протестное движение “Оссиру”, возникшее в 2011 г. в США и распространившееся по другим странам, становится для Ньюмана образцом постанархистской радикальной политики, одной из характеристик которой является префигурация – ориентация на построение желаемых социальных моделей в рамках существующего порядка, конструирование утопии здесь и сейчас. Гегемонистские программы, ориентированные на будущее, рассматриваются при этом как потенциально тоталитарные

в связи с крахом грандиозных революционных проектов прошлого и их самодискредитации. Более того, само понятие революции в постанархизме Ньюмана становится проблематичным из-за телеологических коннотаций, отсылающих к некоему великому и предопределённому ходом истории Событию. Предпочтение в данном случае отдаётся концепту восстания.

Отметим, что такой подход к революции не является специфически постанархистским, но характеризует скорее превалирующие тенденции в современной радикальной мысли [3]. Акцент на восстаниях, как на чём-то более радикальном, нежели революция, также имеет место в работах других анархистских авторов, например, у анонимного французского коллектива «Невидимый комитет»: «Пришло время восстаний, но не время революций... Захватить площадь в самом центре города, разбить палаточный лагерь, соорудить баррикады, походные кухни или бытовки и проводить там собрания – вскоре эти действия станут таким же естественным политическим рефлексом, каким вчера были забастовки» [7, с. 12]. В этом отрывке прослеживается то же видение (и желание) политического действия, что и у Ньюмана.

Апология префигурации и децентрализованного локального сопротивления, отказ от чётко сформулированных программных требований к государству или корпорациям и нежелание выстраивать последовательный стратегический контргегемонистский проект в противовес гегемонии неолиберализма – всё это в качестве характеристик «Оссуру» и подобных ему движений (антиглобализм, некоторые события Арабской весны и т.п.) критикуется с противоположных позиций. Левый акселерационизм в лице Н. Срничека и А. Уильямса можно рассматривать как одно из наиболее заметных современных выражений такой критики [10]. Эти авторы описывают перечисленные установки как «блиндажную психологию», ориентированную *исключительно* на сопротивление, дистанцирование и «линии ускользания», выражаясь языком Делёза. Наступательный же момент, с их точки зрения, минимизируется из-за того, что все или почти все локалистские движения упрямо отказываются от идеи артикуляции долгосрочного контргегемонистского проекта, ориентированного на будущее, а также вследствие немасштабируемости локальных практик.

В качестве примера, демонстрирующего тупиковость подобной политики, Срничек и Уильямс приводят свидетельство одного американского активиста, участвовавшего в акции протеста в 2001 году, в ходе которой протестующие сломали забор конференц-центра, где заседали десятки глав правительств, после чего не знали, что дальше делать: «Мы вскарабкались на поверженную ограду, но дальше почти не продвинулись, как будто нашей главной целью было заменить государственный забор из проволоки и бетона на человеческий нашего собственного изготовления» [Там же, с. 16]. Если рассматривать этот кейс в контексте постанархистской антиполитической политики, то слом ограждения предстаёт как самодостаточный жест, не адресованный ни государству, ни главам правительств, но демонстрирующий лишь символическое насилие над рамками установленного порядка: «...что, в конце концов, для государства может быть большим насилием, чем выражение людьми своего безразличия к нему?» [9, с. 124]. И всё же более реалистичной в данном случае представляется именно акселерационистская критическая оптика, указывающая на растерянность и дезориентацию вследствие отказа от стратегического мышления.

Контраргументация

Срничек и Уильямс приводят пример с разрушенной оградой для иллюстрации минусов локалистской и префигуративной политики, которую они называют «народной» и к которой, с рядом оговорок, можно отнести и постанархизм. Несмотря на справедливость некоторых критических замечаний этих теоретиков, имеет смысл привести контраргументы по крайней мере к двум из таких замечаний.

Установка на локальные, «осязаемые» политические практики имеет сегодня закономерно ключевое значение для протестной политики, если принять тезис о том, что эпоха либеральной имитации подходит к концу и государства уже не скрывают своих экспансионистских амбиций, вводя новые ограничительные законы, ужесточая старые и активно осваивая технологии надзора и слежки. Сбывающийся прогноз Б. Джессопа об усилении тенденций в сторону авторитарного этатизма и экспансии государства, кажется, только и подразумевает, что лишь упомянутые практики. Постанархизм справедливо указывает на то, что прямое столкновение с государством неэффективно потому, что это столкновение будет осуществляться в пространстве самого государства и на его условиях. А эти условия таковы, что власть государств опирается, прежде всего, на контроль над тем, что попадает в поле видимости этой власти. Именно поэтому в контексте расширяющегося контроля и учёта альтернативная политика может функционировать в локальных, подвижных и изменчивых регистрах. «Подчёркивая множественные, локальные и повседневные акты сопротивления, – утверждает Ньюман, – мы можем мыслить радикальную политику гораздо более осязаемым образом, чем в ожидании великого революционного события» [14, р. 62-63].

В так называемой «народной политике» Срничек и Уильямс критикуют отказ от проектов будущего, разоблачение этих проектов как несущих опасность тоталитаризма. Однако префигурация – это слово означает «предвосхищение», «прообраз», «прототип» – подразумевает то, что собственно и предвосхищается, прообраз чего конструируется в этой политике. Создание автономных от государства локальных пространств с их ориентацией на этическое взаимодействие друг с другом, с их тактиками ускользания, непрерывной реконфигурации и анонимности – это, конечно, не будущее (они не воплощают собой будущее как таковое), но в этих

пространства реализуется его возможность. Разочарование в шаблонных проектах будущего вполне обоснованно и объяснимо, однако в случае с анархизмом нельзя говорить об абсолютном отказе. Речь скорее идёт о классической для анархистской мысли установке на отождествление целей (будущего) и средств (настоящего). В некотором смысле это и можно назвать универсальной, контррегемонистской установкой.

Антиполитическая политика, т.е. обратное присвоение политического, его изъятие у государства, вдохновляемое утопическим и этическим порывом, ничего не теряет от привнесения этого контррегемонистского момента, который не обязательно означает навязывание или манипуляцию. Скорее, он мотивирует к расширению дискурсивного пространства, контекста и условий, в которых вызревает возможность эгалитарного будущего и преодоление того, что Б. Нойс назвал бы «блокадой настоящего момента» [8, с. 129]. Если концепция левого акселерационизма требует ускорения капитализма с целью выйти за его пределы, то (пост)анархизм должен требовать расширения того, что уже находится вне капиталистической и государственной логики.

Заключение

Тенденция к замыканию политического в бюрократических рамках, а также репрезентация политики как сферы деятельности лишь профессионально подготовленных к ней специалистов и экспертов провоцируют стремление к реализации автономной от государства политики. В совокупности с обозначенным в начале статьи усилением авторитаризма и расширением государственного контроля такая политика неизбежно принимает форму микрополитических и локальных практик. Эти практики подразумевают, с одной стороны, взаимодействие на основе неиерархической этики свободы и солидарности, с другой стороны, противостояние государственному контролю и капиталистической рациональности.

Постанархизм представляет собой одну из попыток теоретически, философски обосновать подобные практики. Установка на микрополитику не означает при этом отсутствия в постанархизме рефлексии о транснациональном движении, альянсах и т.п., однако именно политизация повседневной жизни трактуется как первичный опыт обратного присвоения права управлять собой, которое прежде присвоило себе государство. Результатом концептуализации такого опыта как раз и является понятие антиполитической политики у Ньюмана, дальнейшая разработка которого, на наш взгляд, может способствовать большему пониманию нюансов текущей политизации тех или иных сторон современной жизни (массовая культура, социальные сети и т.д.).

Финансирование | Funding

Публикация подготовлена при поддержке внутреннего гранта ЗаБИЖТ, договор № 98-гр, проект «Радикальная политическая мысль XXI века: постанархизм, постмарксизм, акселерационизм».

The reported study was funded by the Transbaikal Institute of Railway Transport, internal grant № 98-гр, project “Radical political thought of the XXI century: Postanarchism, post-Marxism, accelerationism”.

Источники | References

1. Бей Х. Пост-анархистская анархия // Автономные зоны: временные и постоянные. СПб.: CHAOSSS/PRESS, 2020. С. 77-80.
2. Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее / пер. с англ. С. Моисеева; под науч. ред. Д. Карасева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 504 с.
3. Капустин Б. Рассуждения о «конце революции». М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 144 с.
4. Крастев И., Холмс С. Свет, обманувший надежды. Почему Запад проигрывает войну за демократию. М.: Альпина Паблицер, 2020. 354 с.
5. Муфф Ш. Политика и политическое / пер. с англ. И. И. Мюрберг // Политико-философский ежегодник. 2008. № 1. С. 88-102.
6. Мюллер Я.-В. Споры о демократии: политические идеи в Европе XX века / пер. с англ. А. Яковлева. М.: Изд. Института Гайдара, 2014. 400 с.
7. Невидимый комитет. Нашим друзьям / пер. фр. М. Лепеловой. М.: Гилея, 2016. 240 с.
8. Нойс Б. Дни минувшего будущего. Состояние акселерационизма // Логос. 2018. № 2 (28). С. 125-137.
9. Ньюман С. Постанархизм / пер. с англ. О. Л. Грабовского. М.: РИПОЛ классик, 2021. 208 с.
10. Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: StrelkaPress, 2019. 336 с.
11. Call L. Postmodern Anarchism. Maryland, MD: Lexington Books, 2002. 159 p.
12. May T. The Political Philosophy of Poststructuralist Anarchism. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 1994. 165 p.
13. Newman S. From Bakunin to Lakan: Anti-authoritarianism and the Dislocation of Power. Maryland, MD: Lexington Books, 2001. 197 p.
14. Newman S. The Politics of Postanarchism. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010. 200 p.

Информация об авторах | Author information**RU****Поляков Дмитрий Борисович**¹, к. филос. н.¹ Забайкальский институт железнодорожного транспорта - филиал Иркутского государственного университета путей сообщения**EN****Polyakov Dmitry Borisovich**¹, PhD¹ Transbaikal Institute of Railway Transport - Branch of the Irkutsk State University of Ways of Communication¹ poldmit89@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 18.06.2021; опубликовано (published): 30.07.2021.

Ключевые слова (keywords): постанархизм; С. Ньюман; антиполитическая политика; префигурация; будущее; postanarchism; S. Newman; politics of anti-politics; prefiguration; the future.